

РЕЙНСКЕ-ЛИСЪ

поэма Вольфганга Гёте

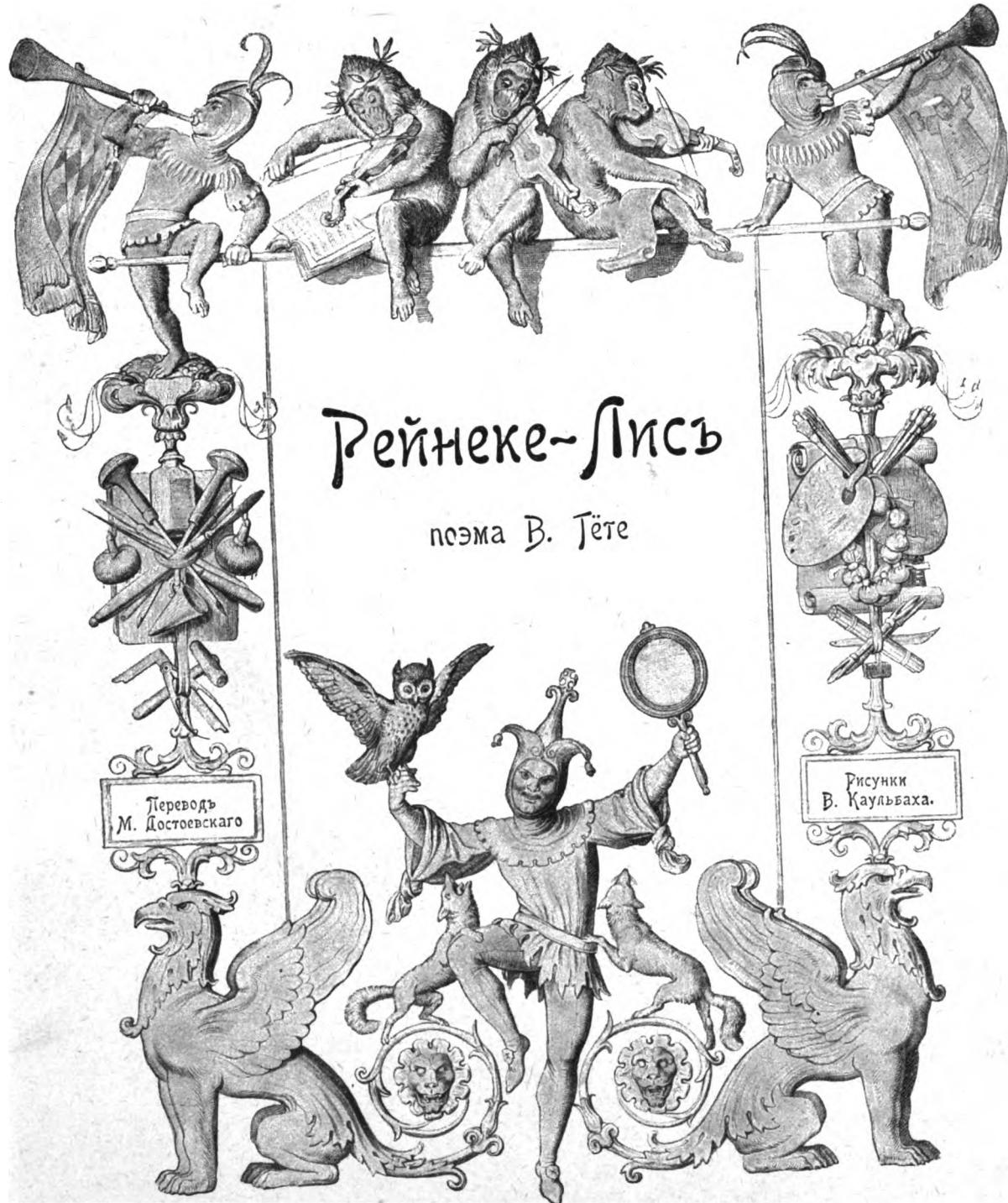
въ двѣнадцати пѣсняхъ.

Съ 62 рис. В. Каульбаха.

Переводъ М. М. Достоевскаго.

Бесплатное приложение къ журналу „Природа и Люди“ за 1903 г.

47587. 34.20
✓

Дозволено цензурою. Спб. 14 октября 1902 г.

FAC

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Въ такъ называемомъ животномъ эпосѣ почти всѣхъ народовъ сказанія о лисицѣ (совмѣстно съ волкомъ) занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣсть и принадлежать къ древнѣйшему времени. Первая стихотворная обработка ихъ относится уже къ срединѣ XII ст. и сдѣлана въ формѣ написанныхъ гекзаметромъ двустишій на латинскомъ языцѣ, причемъ волкъ называется *Isengrimus*, а лисица—*Reinardus*. Въ Германіи источникомъ всѣхъ редакцій этихъ сказаний сдѣлалась, послѣ нѣсколькихъ предшествовавшихъ обработокъ, появившаяся въ 1498 г. въ Любекѣ и написанная на нижненѣмецкомъ нарѣчіи, рифмованнымъ четырехстопнымъ ямбомъ, книжка «*Reyneke de Voss*» (т. е. Рейнеке-Лисица), которая была ничто иное, какъ почти буквальный переводъ фландрской редакціи начала XIII ст., и заключала въ себѣ, какъ уже болѣе позднее насленіе—много сатирическихъ нападокъ на деспотизмъ и своеволіе тогдашнихъ властителей и особенно на безнравственность высшаго духовенства. Въ 1748 г. известный литературный дѣятель Готшедъ перевелъ это стихотвореніе прозою на современный нѣмецкій языкъ; эта-то работа, въ которой, благодаря педантичности, сухости и т. п. свойствамъ всѣхъ трудовъ Готшеда, утратилась очень значительная доля свѣжести и юмора подлинника, къ чemu еще присоединились разные переводческіе промахи,—эта работа впервые, сколько известно, познакомила Гете въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ съ знаменитымъ произведеніемъ животнаго эпоса. Но за переработку его по своему онъ принялъ гораздо позже, именно въ 1792 г. и сдѣлалъ это не столько по поэтическимъ, сколько по политическимъ соображеніямъ: переводъ Готшеда очутился снова въ числѣ его настольныхъ книгъ какъ разъ въ пору полнаго взрыва революціоннаго движенія во Франціи, когда міръ, по собственнымъ словамъ поэта, «представился ему кровавѣе и кровожаднѣе, чѣмъ когда либо», когда при дворахъ, въ духовенствѣ, въ дипломатическомъ мірѣ, въ демократическомъ обществѣ встрѣчалъ онъ весьма много аналогичнаго съ тѣми явленіями, которыя дали писателю XV ст. пищу сатирическому вдохновенію.

Такимъ образомъ «Рейнеке - Лисъ» принадлежитъ къ категоріи тѣхъ произведеній Гете, которые были вызваны сго первоначальнымъ

отношениемъ къ французской революціи и вообще современнымъ политическимъ порядкомъ вещей. Такого рода переработка чисто народнаго сюжета, въ своемъ первобытномъ видѣ не заключавшаго въ себѣ, конечно, ничего политически или соціально-тенденціознаго, вооружила противъ Гете многихъ критиковъ, (главнымъ образомъ Гервинуса), находившихъ въ этомъ преступное посягательство на наивность, свѣжесть, невинный юморъ животнаго эпоса. Но Гете въ этой работѣ своей и не руководился такою научною цѣлью; притомъ же, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Розенкранцъ, во всѣхъ предшествовавшихъ обработкахъ сказанія о лисицѣ авторы вносили въ изложеніе точку зрењія своего времени, вслѣдствіе чего «генеалогія этой животной саги въ ея поэтическихъ обработкахъ есть въ то же время родословное дерево исторіи политического развитія націи». Наконецъ, невозможно отрицать, что придавъ такой характеръ своему «Рейнеке-Лису» (по крайней мѣрѣ значительной части его), Гете съумѣлъ сохранить здесь въ неприкословенности многіе такие элементы, которые дѣлаютъ эту поэму во многихъ отношеніяхъ чисто народнымъ произведеніемъ.

Въ работѣ своей, которая есть нечто среднее между переводомъ и передѣлкой, Гетс держался перевода Готшеда во всемъ, что касалось хода изложенія, подробностей и т. п.; въ тонѣ служила для него образцомъ та стихотворная редакція, съ которой переводилъ Готшедъ, а на все это наложилъ онъ свою собственную поэтическую печать, придающуя его «Рейнеке-Лису» и полную самостоятельность. Нѣкоторыя мѣста въ трудѣ Готшеда онъ вычеркнулъ, отчасти по художественнымъ соображеніямъ, отчасти по требованіямъ приличія (какъ, напр., въ 3-й пѣснѣ, при описаніи вреда, причиненнаго Котомъ пастору); въ разныхъ мѣстахъ сдѣлалъ свои собственные добавленія; немало измѣнилъ и въ стилѣ, отдѣльныхъ выраженіяхъ и словахъ¹⁾; наконецъ, рифмованную форму стихотворенія XV ст. замѣнилъ вольнымъ, часто прихотливымъ гекзаметромъ, найдя, что именно эта форма стиха, и только она, годится для весело-сатирическаго, любящаго наглядную ширину животнаго эпоса. Раздѣленіе на двѣнадцать «пѣсень» также принадлежитъ ему; въ редакціи 1498 г. поэма раздѣлена на четыре книги, разбитыя въ свою очередь на главы.

М. Достоевскій.

---

¹⁾ Главныя изъ этихъ отступлений указаны нами въ примѣчаніяхъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Троицынъ день наступилъ, праздникъ веселый; одѣлись
Въ новую зелень лѣса, поля запестрѣли цвѣтами;
На холмахъ и въ долинахъ, въ рощахъ, лѣсахъ и кусточкахъ
Зачали бойкую пѣснь вновь ободренныя пташки;
Каждая нива дышала весеннихъ цвѣтовъ ароматомъ;
Празднично, весело небо и пёстро земля красовались.

Нобель, король, созываетъ свой дворъ—и вотъ всѣ вассалы
Шумно идутъ на кличъ. Много особъ знаменитыхъ
Съ разныхъ сторонъ и концовъ идутъ по разнымъ дорогамъ:
Лютке-Журавль, и Соїка-Маркартъ, и всѣ знатныя лица.
Дѣло въ томъ, что король съ баронами всѣми своими
Дворъ на славу задумалъ держать—и вотъ ихъ сзываєтъ
Всѣхъ до единаго онъ отъ мала и до велика.
Всѣмъ на лицо быть велѣль, и все же одинъ не явился—
Рейнеке-Лисъ шельмецъ. Вслѣдствіе разныхъ продѣлокъ,
Разныхъ буйствъ и безчинствъ, онъ отъ двора отстранялся.
Какъ нечистая совѣсть свѣта дневного боится,
Такъ боялся и Лисъ собранья особъ знаменитыхъ.
Всѣ-то съ жалобой шли, всѣхъ-то обидѣль разбойникъ,
Гrimбарда лишь барсука, братнина сына, не трогалъ.

Первымъ волкъ, Изегримъ, жалобу подалъ; съ роднею
Всею своей и друзьями, со всѣмъ кумовствомъ и знакомствомъ
Онъ къ королю подступилъ и молвилъ правдивое слово:
«Мудрый король-государь! вѣсъ утруждать я рѣшился.
Мудры вы и велики, даруете каждому право,
Каждому милость: такъ сжалътесь надъ бѣднымъ вассаломъ, который

Терпить отъ Рейнеке-Лиса всякий срамъ и безчестье.
Пуще жъ всего вы сжалътесь надъ тѣмъ, что мерзавецъ позорить
Часто супругу мою и нашихъ дѣтей перепортиль.
Ахъ! онъ ихъ каломъ обмазалъ, ихъ острою нечистью облилъ,
Такъ что трое малютокъ дома больны слѣпотою.
Правда, обѣ этихъ злодѣйствахъ давно уже мы совѣщались,
Даже и день былъ назначенъ для разсмотрѣнья всѣхъ жалобъ.
Онъ и къ присягѣ готовъ былъ идти, да вдругъ и раздумалъ
И въ свою крѣость скорѣе убрался. Все это извѣстно
Достопочтенному мужамъ, которые здѣсь собралися.
О, государь нашъ! Всѣхъ притѣсненій, чтѣ плутъ мнѣ готовитъ,
Не перечислить въ словахъ многіе дни и недѣли.
Если бы все полѣто, сколько ни дѣлаютъ въ Гентѣ,
Обратилось въ пергаментъ, на немъ и тогда не упишешь
Всѣхъ его дѣлъ и проказъ, да о нихъ и молчу я.
Только безчестье жены сильно гложетъ мнѣ сердце;
И отомщу жъ за него я—будь ужъ тамъ послѣ, чтѣ будетъ».

Только что Изегримъ съ видомъ унылымъ окончилъ,
Подбѣжала собачка, по имени Трусицъ, и стала
Съ королемъ по-французски развязно, красно изъясняться,
Какъ все бѣдняла она и какъ у неї только остался
Ломтикъ одинъ колбасы, запрятанный гдѣ-то далеко:
Да и тотъ Лисъ укралъ! Разсердившись, тутъ быстро воспрянулъ
Гинце-котъ и сказалъ: «Мудрый король, государь нашъ!
Кто же здѣсь болѣе васъ пенять на разбойника въ правѣ?
Я говорю вамъ: кто жъ въ этомъ собраніи, молодъ ли, старъ ли,
Больше его, шельмѣца, не страшится, чѣмъ васъ, государя?
Трусицъ же вздоръ говорить все: просто не стоитъ вниманья!
Много ужъ лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ это случилось:
Мнѣ, не ему, колбаса-то принадлежала; тогда же
Съ жалобой мнѣ было бѣ должно явиться. Я на охоту,
Помню, пошелъ разъ и право не знаю ужъ, какъ мнѣ попалась
Мельница ночью, а мельникъ-то спалъ; вотъ я и подтибралъ
Ту колбасу у него—ужъ лучше признаюсь, и если
Трусицъ ею владѣлъ, то мнѣ онъ за это обязанъ».

Тутъ всталъ барсъ и сказалъ: «Чтѣ толку въ пустыхъ обвиненяхъ!
Намъ они не помогутъ. Довольно, что зло хоть открыто.
Онъ убийца и воръ: смѣло я то подтверждаю.
Знаютъ все здѣсь, что онъ способенъ на всякую пакость.
Все равно для злодѣя, если бы наше дворянство,
Да и самъ нашъ король, добра и чести лишились;
Былъ бы радъ тому даже, когда бѣ черезъ это достался

Какъ-нибудь подлецу ломтикъ жирной индѣйки.
 Нѣтъ, ужъ лучше сказать вамъ, какъ гнусно, жестоко вчера онъ
 Съ зайцемъ Косымъ поступилъ: вотъ самъ онъ стоитъ передъ вами
 Смирный, святой человѣкъ! Рейнеке-Лисъ притворился
 Кроткимъ и набожнымъ вдругъ, и сталъ его разнымъ обрядамъ,

«Нобель, король, созываетъ свой дворъ, и вотъ всѣ вассалы шумно идутъ на кличъ»...
 (къ стр. 5)

Ну, и всему поучать, что нужно знать капеллану.
 Вотъ и усѣлись другъ противъ друга и начали «Credo».
 Только и тутъ не оставилъ старыхъ проказъ нечестивецъ!
 Не взирая на миръ и пропускъ повсюду свободный,
 Онъ Косого схватилъ въ острые когти и началъ
 Мужа святого таскать. По улицѣ тутъ проходилъ я:

Слышу — пѣснь началась, да вдругъ и окончилась тутъ же.
Диво взяло меня; когда жъ подошелъ я поближе —
Лиса тотчась узналъ: за воротъ зайца держалъ онъ
И умертвилъ бы, конечно, когда бы, по счастью, дорогой
Не проходилъ я. Онъ самъ вотъ здѣсь на лицо. Посмотрите.
Язвы какія на бѣдномъ, богообоязливомъ мужѣ,
Мужѣ, котораго, право, грѣшно обижать понапрасну.
И неужель, государь, и вы, господа, согласитесь,
Чтобъ надъ миромъ такъ дерзко стать издѣваться разбойникъ?
О, тогда, государь, вы и ваше потомство упреки
Будете слышать отъ всѣхъ, кто сколько-нибудь любитъ правду».

Изегримъ также тутъ началъ: «Все это весьма справедливо:
Намъ не дождаться пути отъ Рейнеке. О, если бы умеръ
Онъ ужъ давно! Это было бы лучше для всѣхъ мирныхъ гражданъ;
Если же даромъ все это пройдетъ ему, скоро онъ, скоро
Многихъ съ ума посвѣдетъ — слово мое помяните!»

Гrimbartъ, Лисовъ плеснянникъ, слово повсль тутъ и жарко
Дядю сталъ защищать противъ всѣхъ обвиненій тяжелыхъ:
«Да, господинъ Изегримъ, говорится въ народѣ не даромъ:
Вражкій языкъ на погибель. Дядѣ рѣчь бранная ваша
Въ проѣкѣ не послужить, мы знаемъ. Но это пустое. Когда бы
Онъ былъ здѣсь при дворѣ, да если бы милостью царской
Такъ же, какъ вы, наслаждался, то скаяться вамъ бы пришлось
Какъ за бранныя рѣчи, такъ и за старыя сказки.
Сами-то сколько вреда вы дядѣ надѣлали — вотъ что
Лучше скажите вы намъ; вѣдь многимъ здѣсь лицамъ извѣстно,
Какъ вѣ союзъ-то вошли вы другъ съ другомъ и клятву-то дали
Жить, какъ товарищамъ, вмѣстѣ. Это стоитъ разсказа.
Дядя зимою за вѣсъ не мало бѣды натерпѣлся.
Ѣхалъ по улицѣ съ возомъ, рыбой набитымъ, крестьянинъ;
Это узнали вы какъ-то; страшно вамъ захотѣлось
Съ возу товара отвѣдать, а денегъ при вѣсъ не случилось.
Вотъ и начни вы умаливать дядю; послушался дядя,
Легъ на дорогѣ и мертвымъ прикинулся. Штука, по чести,
Смѣлая! Но посмотрите, что вышло изъ этой всей рыбы!
Вотъ подѣхалъ крестьянинъ; видитъ вѣ рытвины дядю;
Мигомъ мечъ вынимаетъ, хочетъ рубнуть имъ по дядѣ.
Но хитрецъ хоть бы глазомъ, лжитъ себѣ, будто убитый.
Поднялъ крестьянинъ его, бросилъ на возъ и заранѣ
Мысленно сталъ веселиться, что штука такая попалась.
Вотъ что для вѣсъ, Изегримъ, дядя мой сдѣлалъ. Крестьянинъ
Дальше поѣхалъ, а Рейнеке съ воза посыпалъ всю рыбу;

Волкъ же за ними все крался, рыбу путемъ пожирая.
 Ъхать наскучило дядѣ — онъ приподнялся и спрыгнулъ
 Съ воза тихонько и рыбки тоже задумалъ покушать.
 Но Изегримъ всю рыбу пожралъ — и налопался страшно:
 Треснуть пришлося съ натуги. А рыбы ужъ не было болыш:
 Косточки только валялись — и другу онъ ихъ предлагастъ.
 Вотъ и другая продѣлка: я все разскажу вамъ, какъ было.

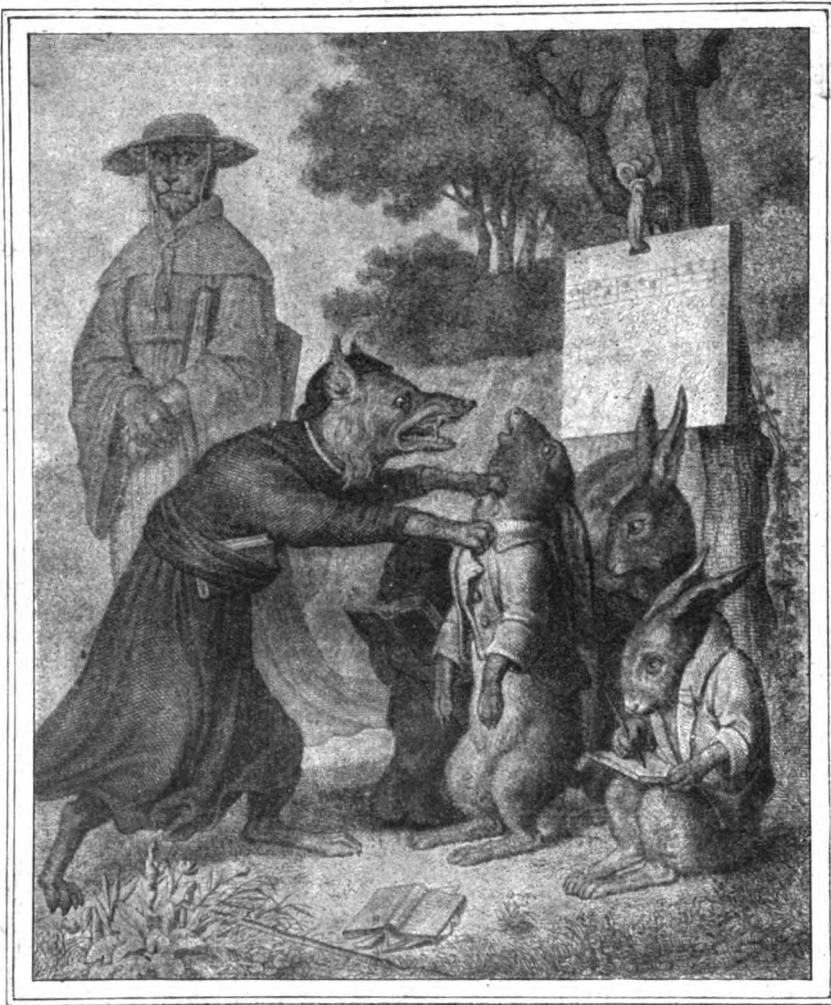

«Одинъ ко Двору не явился Рейнеке-Лисъ—шельмецъ: онъ отъ Двора
 отстранился»... (къ стр. 5)

Рейнеке гдѣ то провѣдалъ, что есть у крестьянина туша
 Свѣжая, жирная; вотъ онъ волку о томъ и повѣдалъ.
 Вмѣстѣ пошли они, дружно условясь добычу и горе
 Честно дѣлить пополамъ. Но на дядину долю
 Только опасность досталася: самъ и въ окошко-то лазилъ,
 Самъ съ натугой большою волку онъ сбросилъ добычу.
 Гутъ, къ несчастью, собаки со всѣхъ сторонъ налетѣли,
 Длдю пронюхали какъ-то и зло ему шкурку порвали
 Весь израненный, онъ отъ нихъ убѣжалъ и, сыскавши

Волка, плакаться началъ на лютую, горькую участъ
 И попросилъ своей доли. А волкъ, какъ путный: «Отличный,
 Братъ-куманекъ, я кусочекъ оставилъ тебѣ: ужъ спасибо
 Скажешь мнѣ за него. Кушай себѣ на здоровье,
 Да хорошенько гложи. А жиру-то сколько, дружище!»
 Ну, и принесъ онъ кусочекъ — распорку изъ дерева, вотъ что!
 Туша висѣла на ней въ избѣ у крестьянина: самъ же
 Волкъ все жаркое пожралъ — такой ненасытный и алчный!
 Рейнеке въ гнѣвѣ и словъ не нашелъ, но что думалъ —
 Сами представьте себѣ. Да, государь, штукъ подобныхъ
 Будетъ слишкомъ за сотню, что волкъ смастерили съ моимъ дядей!
 Но о нихъ я молчу. Потребуютъ дядю, такъ дядя
 Самъ защитить себя лучше. Но, ваше величество, смию
 Я обѣ одномъ лишь замѣтить. Всѣ вы слышали вмѣстѣ,
 Вы, государь, и вы, господа, какъ волкъ всенародно
 Женину честь безъ стыда самъ понесиши и позориши,
 Между тѣмъ какъ горою стать за нес быль бы долженъ.
 Правда, семь лѣтъ и побольше будетъ тому, какъ мой дядя
 Сердце свое положилъ къ стопамъ Гиремунды прекрасной.
 Ночью то было, средь танцевъ; волка не было дома.
 Я говорю, какъ все было и послѣ мнѣ стало известно.
 Ласково, вѣжливо, нѣжно всегда съ нимъ она обходилась —
 Что же въ этомъ худого? Она на него не пеняетъ.
 По добру, по здорову живеть — такъ что же онъ такъ расходился?
 Будь онъ умнѣе — смолчаль бы обѣ этомъ и сраму не дѣлалъ».
 Дальше барсукъ говорилъ: «И вотъ, хоть бы сказка о зайцѣ —
 Только пустыя слова! Какъ будто учитель не властенъ
 Ученика наказать, если глупъ и лѣнивъ онъ ужасно?
 Если мальчишечъ не сѣчь, и шалости даромъ пройдутъ имъ,
 Глупость, лѣнь и пороки — на что же тогда воспитанье?
 Трусикъ туда же кричитъ, что вотъ у него за заборомъ
 Ломтикъ колбаски пропалъ. Ужъ лучше бѣ молчаль онъ обѣ этомъ:
 Краденый быль вѣдь кусокъ, какъ слышали всѣ мы про это.
 Какъ привалило, такъ и ушло — и какъ же тутъ станешь
 Дядѣ пенять, что у вора онъ отнялъ добычу? Должны же
 Люди изъ высшаго круга быть строги, и жостки, и страшны
 Всѣмъ ворамъ и воришкамъ. Даже если бѣ повѣсили
 Трусика онъ, и тогда бы правъ кругомъ онъ остался.
 Но его отпустилъ онъ — пусть славить царя-государя,
 Такъ какъ смертью казнить довлѣеть однимъ государямъ.
 Только, какъ дядя ни бился, сколько заслугъ онъ ни дѣлалъ,
 А благодарности все же ни отъ кого не увидѣлъ.
 Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ намъ возвѣстили миръ королевскій,
 Онъ поведенья примѣрнаго. Жизнь свою всю измѣнилъ онъ,

Есть только по разу въ день, живетъ одиноко, какъ скимникъ,
Плоть распинаеть свою, бичуетъ себя ежедневно,
Молится, носить на тѣлѣ свое мѣсто власяницу
И ужъ давно отъ дичины и пищи мясной отказался,
Какъ лишь вчера говорилъ мнѣ знакомый, его посѣтившій.
Замокъ онъ свой Малепартусъ ¹⁾ недавно покинулъ и строить
Гдѣ-то пещеру себѣ. А какъ похудѣлъ-то онъ, бѣдный,

«Онъ Косого схватилъ въ острые когти и началъ мужа святого таскать.
По улицѣ тутъ проходили я»... (къ стр. 7).

Какъ поблѣдѣлъ отъ поста и другихъ воздержаній,
Въ томъ вы сами, конечно, взглянувъ на него, убѣдитесь.
Какъ же ему повредять навѣты враговъ его лютыхъ?
Только придетъ онъ сюда — и всѣхъ ихъ срамомъ покроетъ».

Только что Гrimbartъ окончилъ къ общему всѣхъ удивленью,
Съ родомъ своимъ появился пѣтухъ Курогонъ. На носилкахъ;
Безъ головы и безъ шеи на сѣдку несли за нимъ слѣдомъ.

Звали ее Скоропожкой; была она лучшей наследкой.
 Ахъ! и текла ея кровь, пролитая Лисомъ безпутнымъ!
 Пусть же король все услышитъ! Вотъ къ королю подступаетъ
 Храбрый пѣтухъ Курогонъ съ лицомъ, омраченнымъ печалью.
 Два пѣтуха за нимъ слѣдомъ также печальные идутъ.
 Звался Ораломъ одинъ — и лучше его не нашли бы
 Между Парижемъ и Гентомъ; другой былъ немногого поменьше,
 Именемъ былъ Запѣвало и тоже былъ гладкій парнище.
 Оба несли по зажженной свѣчѣ и братьями были
 Умерщвленной жены — и звали они на убійцу
 Всѣ проклятія неба. Несли же носилки другіе
 Два пѣтуха помоложе — и вопли ихъ слышались всюду.
 И Курогонъ тутъ промолвилъ: «Съ жалобой къ вамъ, государь, мы!
 Сжальтесь надъ нами, взгляните, какое намъ всѣмъ поруганье!
 Все отъ Рейнеке-Лиса, ваше величество, терпимъ.
 Только зима миновала, и рощи, цвѣты и лужайки
 Насъ къ веселью позвали, сталъ и я любоваться
 Рѣзвымъ потомствомъ своимъ, что со мною жилъ безмятежно.
 Десять надежныхъ сыновъ, да дочекъ четырнадцать были
 Мнѣ утѣшеньемъ; жена, наследка чудесная, въ лѣто
 Вывела всѣхъ ихъ одна и всѣхъ возрастила на славу.
 Гладкіе были такіе всѣ и довольные; пищу
 Все въ безопасныхъ мѣстахъ себѣ они находили.
 Дворъ нашъ былъ монастырскій, съ высокой и крѣпкой оградой;
 Шесть огромныхъ собакъ жили въ дому вмѣстѣ съ нами,
 Нашихъ дѣтей полюбили и бѣли надъ ними. Но Лиса
 Видно досада схватила, что мы живемъ понемножку,
 Счастливы всѣ и его сѣтей и проказъ избѣгаемъ.
 Все, бывало, онъ бродилъ ночью у стѣнъ, да въ ворота
 Втихомолку глядить; но, къ счастью, собаки замѣтили успѣли.
 Онъ на утекъ, но какъ то онѣ его изловили
 И, если правду сказать, потрепали маленько; однако,
 Все-таки спасся, шельмецъ, и насъ оставилъ въ покой.
 Слушайте жъ дальше! Немногого спустя, онъ монахомъ приходитъ,
 Мнѣ съ печатью письмо отдаетъ. И узналъ я
 Вашу печать на письмѣ; а въ письмѣ я читаю,
 Что миръ прочный звѣрямъ и птицамъ вы объявили.
 И говорить онъ мнѣ началъ, что будто онъ въ схиму постригся,
 Будто далъ онъ обѣтъ отъ всѣхъ грѣховъ отмолиться,
 Будто онъ каецца въ нихъ — такъ не зачѣмъ больше бояться
 Всѣмъ намъ его. Онъ поклялся отъ мяса совсѣмъ отказаться;
 Онъ и клубокъ показалъ мнѣ и далъ посмотреть на нарамникъ;
 Даже свидѣтельство вынулъ отъ одного онъ пріора
 И, чтобы совсѣмъ убѣдить, показывалъ мнѣ власяницу.

Всталъ потомъ и промолвилъ: «Богъ да хранить васъ, сердечныхъ!
Мнѣ еще много сегодня дѣлъ предстоитъ: да, прочесть мнѣ
Нужно нынче еще и «Сексты», и «Ноны», и «Веспсръ» ²⁾).
И, уходя, онъ читалъ молитвы, а самъ уже думалъ,
Какъ бы ввести насть въ погибель и какъ доканать, беззащитныхъ.
Я же съ радости сталъ своимъ говорить о счастливої
Вѣсти въ вашемъ письмѣ — и были мы всѣ тому рады
Рейнеке схимникомъ сталъ, такъ, стало быть, нечего болыше
Намъ бояться за жизнь. Я вышелъ со всѣми своими
За монастырскія стѣны — и рады мы были свободѣ.
Только раскаялись вскорѣ. Онъ въ близкихъ кустахъ притаился;
Прыгнулъ, разбойникъ, и, намъ двери собой заслоняя,
Лучшаго сына схватилъ и съ нимъ — поминайте, какъ звали.
Все погибло для насть; лишь только попробовалъ насть онъ —
Началъ за нами гоняться — и ни собаки, ни люди
Насъ не могли защитить отъ козней его богомерзкихъ.
Такъ потаскалъ у меня почти всѣхъ дѣтей онъ, разбойникъ;
Изъ двадцати только пять всего у меня и осталось,
Прочихъ онъ всѣхъ задушилъ. Скажальтесь надъ горемъ несчастныхъ:
Онъ зарѣзалъ вчера мою дочь, только собаки
Тѣло одно и спасли. Вотъ оно здѣсь передъ вами.
Онъ, кровопѣца, то сдѣлалъ. О, будьте вы къ намъ милосерды!»

Тутъ промолвилъ король: «Ну, что же ты, Гrimбартъ, намъ скажешь?
Такъ-то постится твой схимникъ и такъ-то онъ плоть распинасты!
Только бы годъ мнѣ прожить, а онъ ужъ меня не забудетъ!
Но къ чему тутъ слова! Внемли, Курогонъ удрученный:
Бѣдной дщери твоей отдастся вся честь, чтѣ усопшимъ
Подобаетъ. По ней «вигиліи» ³⁾ пѣть закажу я,
Тѣло мы съ честью землѣ предадимъ и, не медля,
Казнь на совѣтѣ положимъ ему за убийство такое».

И король приказалъ «вигиліи» пѣть по усопшей.
«Domino placebo» хоръ затянуль; до конца все пропѣли.
Могъ бы я вамъ разсказать, какъ и кто у нихъ «лекцію» пѣлъ тамъ,
Кто «респонсы» тянуль — да долго разсказывать будетъ
Тѣло зарыли въ могилу; на ней же поставили славный
Мраморный камень, изрядно отполированный: былъ онъ
Въ видѣ плиты обтесанъ и сверху надпись блестѣла:
«Дочь пѣтуха Курогона, Скороножка-насѣдка,
Снесшая много яицъ и въ навозѣ умѣвшая рыться,
Здѣсь подъ симъ камнемъ лежитъ, убитая Рейнеке-Лисомъ.
Свѣтъ да узнаетъ, какъ съ нею онъ поступилъ, душегубецъ,
И да оплачетъ ее!» Вотъ какъ надпись правдиво гласила.